

одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 20.04.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

11. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

12. Пропостин, А. А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Пропостин. – Томск, 2010. – 21 с.

13. Парамонова, Е. Специальная конфискация транспортного средства – необходимая и эффективная превентивная мера / Е. Парамонова // Законность и правопорядок. – 2014. – № 4(32). – С. 12–16.

14. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления мер ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения» [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 5 июля 2013 г., № Р-836/2013 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

15. Колбасин, Д. О конфискации транспортных средств при управлении ими в состоянии опьянения / Д. Колбасин, А. Чигилейчик // Законность и правопорядок. – 2016. – № 1(37). – С. 31–36.

УДК 343.97

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ДИСКРЕЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В.П. Шарикова,

доцент кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета канд. юрид. наук

Дискреционность правовых полномочий, предоставленных для выполнения правозащитных функций, определяют в качестве одного из криминогенных факторов, влияющих на качество правоохранительной деятельности в целом. Под дискреционностью (от фр. *discretionnaire* «зависящий от личного усмотрения») понимается «способ реализации публичной власти, при котором соответствующий субъект власти (орган или должностное лицо) применяет предоставленные ему в пределах закона полномочия по собственному усмотрению, без необходимости согласования в любой форме своих действий с другими субъектами» [1, с. 271].

Предоставление дискреционных полномочий сотрудникам правоохранительных органов обусловлено, прежде всего, тем, что правовая норма редко может быть применена механически, проблемным местом является интерпретация норм закона сотрудниками правоохранительных органов. Кроме того, количест-

во ситуаций, требующих внимания правоохранителей, как правило, достаточно велико, последние не всегда способны охватить все правонарушения, они вынуждены осуществлять выбор в какую конкретную ситуацию необходимо срочно вмешаться, подобный выбор также является элементом дискреционности статуса правоохранителя. В силу этого правильность применения закона непосредственно зависит от того, как каждый сотрудник интерпретирует правовые нормы и возникшую ситуацию, требующую его вмешательства [1, с. 270].

Очевидно, что дискреционные полномочия правоприменителей, по своему существу, сопряжены с риском использования вопреки интересам службы. Наличие широкого спектра возможностей использования служебных полномочий по собственному усмотрению у сотрудников правоохранительных органов вызывает вполне обоснованные опасения о возможности разнообразных злоупотреблений с их стороны. В силу чего представляется актуальным проведение криминологического анализа дискреционного поведения сотрудников правоохранительных органов.

Осмысление феномена дискреции при выполнении служебных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов необходимо предполагает обращение к правосознанию, как категории, интегративно содержащей представление о смысле, ценности и сути, как конкретных правовых норм, так и в целом права. При этом следует обратить внимание на то, что с точки зрения объяснения поведения отдельного сотрудника при выполнении им своих профессиональных функций, правосознание имеет, как минимум, три значимых измерения.

Первое – это, безусловно, личностное измерение, когда правосознание рассматривается как результат внутренней работы человека над переживанием ценности права, осмыслением его содержания и сопряжением результатов осмысления с волевыми регуляторами поведения, что находит свое выражение в соотношении личностью конкретных моделей поведения с предписаниями нормативных правовых актов. В рамках личностного измерения в качестве одного из ключевых элементов предмета анализа выступает ценностное содержание правосознания. Строго говоря, с позиции личности, данный компонент является ядерным, системообразующим. Он позволяет выработать систему внутренних оценок, прежде всего, собственного поведения, таким образом, чтобы человек органично переживал недопустимость преступления через право. Это возможно посредством наполнения правовым содержанием всех мотивов личности, что является сложной творческой задачей, требующей для своего решения трудоемкой работы по расширению внутреннего опыта, связанного с правом. Необходимым условием продуктивности данной работы становится восприятие личностью объективно существующего ценностного содержания права. Как правило, оно (объективно заданное ценностное содержание) предстает в виде юридического статуса личности, закрепленного в Конституции. И от того объема прав и свобод, которые предоставлены человеку, во многом зависит представление о личности вообще, а соответственно о допустимом по отношению к ней поведении. Чем менее защищена личность законом, тем более она склонна рассматривать право как формально-отвлеченные предписания, преследующие своей целью навязывание внешней воли.

В результате мы можем столкнуться с определенной деформацией правосознания, заключающейся в отсутствии признания значимости защиты личности посредством правовых механизмов. Для правоохранителей подобная деформация чревата пренебрежением не столько даже материальным, сколько процессуальным законом, закрепляющим конкретные формы деятельности должностных лиц правоохранительных органов.

Второе измерение правосознание возникает в качестве объекта анализа при рассмотрении правоохранительной деятельности с точки зрения права в действии, стандартов применения закона на практике. Очевидно, что речь должна идти о социальном измерении, поскольку практика применения закона - это результат взаимодействия среды профессионалов в процессе выполнения поставленных задач. Данное взаимодействие порождает стандарты принятия решения и поведения, которые выступают составными компонентами профессиональной субкультуры. А поскольку стандартными ситуациями профессиональной правоохранительной деятельности являются ситуации применения норм права, совершенно последовательным является то, что профессиональная субкультура сотрудников правоохранительных органов состоит из социальных норм, определяющих не только стандарты поведения в отношении применения права, но и стандарты смысла, то есть конкретные установки значения и типичные интерпретации правовых положений, вырабатываемые в процессе осуществления правоохранительных функций. Указанный элемент профессиональной субкультуры вполне корректно будет обозначить как групповое правосознание, свойственное профессиональной среде правоохранителей.

Возникает групповое правосознание как результат взаимодействия людей в стандартных ситуациях служебной деятельности. Социализация сотрудника в коллективе сослуживцев приводит к усвоению им содержания группового правосознания, посредством интериоризации социальных норм профессиональной среды. Следует отметить, что отличительной особенностью группового правосознания является то, что оно включает в себя как элементы массового правосознания, так и специфические черты, обусловленные тем социальным статусом, который характерен для данной группы [2, с. 67].

Для группового правосознания является характерным, во-первых, наличие ориентации в выборе поведения сотрудником на значимые для профессиональной среды правоохранительных органов цели, во-вторых, существование взаимосвязи между установками профессиональной субкультуры и оценкой возможных средств выполнения сотрудником служебных обязанностей. Охрана прав и свобод, законных интересов граждан является одной из основных задач правоохранительных органов, а это невозможно полноценно осуществить при условии отсутствия признания ценности человеческого достоинства каждым сотрудником. Следует согласиться с исследователями в том, что небрежное отношение к человеку со стороны сотрудников правоохранительной системы, унижающие его честь и достоинство, являются проявлением профессиональной деформации [3, с. 227].

Одним из наиболее значимых факторов определяющих возникновение профессиональной деформации является необходимость постоянного общения с лицами, преступившими закон, что является источником разрушения ценностно-

го уровня сотрудников, выполняющих правоохранительные функции. Следствием этого является восприятие деформированных представлений о праве, справедливости, провоцирование «морального размывания» личности правоохранителя. Опасность заключается в том, что наряду с поведенческими стандартами при общении с лицами, имеющими криминальный опыт, усваивается и система оценки конкретных форм поведения, мотивы и установки, присущие уголовной среде. В рамках криминальной субкультуры личность не воспринимается как уникальный носитель достоинства и свободной воли, идея равенства людей также чужда стандартам, культивируемым в среде преступников. Соприкосновение с такой извращенной системой оценивания способно приводить к деградации личности, поскольку происходит утрата живого ощущения правового измерения личности как условия её полноценного развития и развития общества в целом. Закон для человека, не признающего ценность личности, предстает как набор формальных правил, соблюдение которых жизненного смысла не имеет.

Представляется, что с этой точки зрения возникновение профессиональной деформации можно рассматривать как утрату понимания взаимосвязи целей закона (права) с конкретными жизненными ситуациями, возникающими при выполнении служебных обязанностей. Возрастает риск дистанцирования целей, стоящих перед конкретным правоохранительным органом и целей закона, реализация которого возложена на данный орган. На уровне профессиональной субкультуры это закрепляется как доминирование интересов профессионального сообщества перед интересами права. Таким образом, происходит вырождение норм права, на уровне группового правосознания, в формальность, соблюдение которой позволит избежать негативных последствий, например, в виде дисциплинарных взысканий. Приведенные аргументы говорят о том, что права человека выступают своеобразным ориентиром для ценностного (этического) содержания профессиональной субкультуры сотрудников правоохранительных органов.

И, наконец, третье измерение правосознания, исследование которого представляется важным в рамках проблемы дискреционных полномочий правоохранителей – это правосознание на уровне общесоциальных представлений, так называемое массовое правосознание. То, что профессиональная среда правоохранителей существует как органический элемент социальных институтов, предполагает и то, что групповое правосознание сопряжено с массовым правосознанием.

Сегодня исследователи отмечают, что массовое сознание вообще и массовое правосознание в частности отличает амбивалентность, являющаяся последовательным результатом аномии, процесса разрушающего ценностные начала социальной жизни. Аномия на уровне общества девальвирует само понятие объективной ценности, обнажая не включенность объективных ценностных ориентиров в социальную ткань повседневной жизни. Как представляется, в условиях аномичных тенденций в обществе категория прав человека приобретает особый социальный смысл: «Права человека не относятся к сфере чистых идей, а коренятся в жизненном мире человека и общества и являются частью эмпирической действительности» [4, с. 8].

По результатам всеукраинского исследования, проведенного в 2000 г. Институтом социологии НАН Украины, 70,8% украинцев считали, что большинство окружающих людей способно пойти на нечестный поступок ради личной выгоды [5, с. 21], то есть фактически признали, что окружающие – потенциальные преступники. В этом прослеживается присутствие ощущения определенной опасности, исходящей от окружающих сограждан. Такое ощущение способно повышать конфликтный потенциал общества, ведь уменьшение уровня доверия в обществе провоцирует формирование у индивида состояния перманентной защиты от возможных негативных поступков в его адрес. В частности, такое состояние в поведении может проявляться во враждебности к окружающим, готовности к использованию недоброжелательных форм общения. Указанное, в свою очередь, может выступать в качестве детерминант преступности. Понятно, что конфликтный потенциал общества в той или иной степени отражается в каждой личности, социализирующейся в данном социуме, не исключением является и личность правоохранителя. Но интересным, с точки зрения криминологии, является вопрос осуществления правоохранителями функций в рамках такого сообщества. Наличие, в качестве фиксируемых на уровне социальной реальности, ожиданий именно конфликтного взаимодействия, во-первых, свидетельствует об определенных проблемах связанных с солидаризацией интересов людей, что вполне можно рассматривать как характеристику правовой культуры общества, а, во-вторых, сигнализирует о проблеме свободы личности, поскольку нахождение в состоянии защиты можно интерпретировать как наличие чувства незащищенности у населения. Источником возникновения подобного чувства может выступать не понимание предмета приложения защищаемой правом внешней свободы, то есть цели реализации свободы положительной. Другими словами, право не воспринимается как значимый регулятор социальных отношений, позволяющий человеку стать свободно самоопределяющейся личностью, свободной, в том числе, от разного рода деструктивных внутренних состояний, вызванных, например, аддикциями.

С точки зрения выполняемых правоохранителями функций выполнять действия, направленные на защиту правовых интересов людей, не осознающих смысл права, заведомо сопряжено с серьезными осложнениями, вплоть до открытого противодействия с их стороны. Но гораздо более сложной проблемой является то, что указанные характеристики массового правосознания могут быть растворены в групповом правосознании на уровне профессиональной субкультуры и личностном правосознании сотрудников правоохранительных органов. Борьба с собой гораздо труднее, риск оправдать сложившиеся представления значителен, а соответственно, преступить через право будет проще.

Приведенные размышления о связи содержательных характеристик правосознания и прав человека позволяют сделать вывод о наличии перспективы криминологического исследования дискреционных полномочий сотрудников правоохранительных органов в контексте прав человека и востребованности дальнейших исследований. Именно правоохранительная деятельность максимально полно обращена к личности, защите её прав, свобод и законных интересов, а значит непосредственно обращена к утверждению ценности личности и

права в обществе, государстве и от качества выполнения дискреционных полномочий правоохранителем зависит качество претворения идеала правового государства в реальность повседневной жизни людей конкретного социума.

Список использованных источников:

1. Мартыненко, О. А. Детерминация и предупреждение преступности среди персонала органов внутренних дел Украины : монография / О. А. Мартыненко. – Харьков : Изд-во ХНУВС, 2005. – 496 с.
2. Атоян, О. Н. Утопия безвластия. Крестьянское правосознание в историко-правовой реальности 1917 – 1921 годов (на примере анархо-махновщины) : монография / О. Н. Атоян. – Луганск : РИО ЛГУВД им. Э. А. Дидоренко, 2010. – 600 с.
3. Варыгин, А. М. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Варыгин Александр Николаевич. – Саратов, 2003. – 389 с.
4. Анохин, Ю. В., Воробьева, С. А. О праве и правах человека в теории правопонимания / Ю. В. Анохин, С. А. Воробьева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 3 (25). – С. 4-10.
5. Головаха Е. Феномен «аморального» большинства в постсоветском обществе: трансформация массовых представлений о нормах социального поведения в Украине / Е. Головаха // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 6(62). – С. 20 – 22.

УДК 343.829

**О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА СВОБОДЫ
СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

С.Н. Шипук,

юрист частного унитарного предприятия «Ситингстревелтакс», магистрант учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь

Беларусь – государство, придерживающееся международных стандартов в вопросах обеспечения свобод совести. Положения о свободе совести закреплены в ряде международно-правовых документов:

- 1) Всеобщая Декларация прав человека 1948 г.;
- 2) Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.;
- 3) Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религиозных убеждений.

В названных документах закреплены следующие положения:

1) каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает: а) свободу менять свою религию или убеждения; б) исповедать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими;

2) никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу принимать религию по своему выбору;